

Б. И. ГОРЕВ

Идейное наследство Бакунина

При жизни Бакунина было издано не много его сочинений. Кроме указанных выше его брошюр на русском, французском и итальянском языках, он напечатал лишь ряд статей в газетах и журналах. Но главной формой его агитационной и пропагандистской деятельности были письма. Он написал их огромное количество, и сверх того много писем и статей остались у него неоконченными и неотосланными, причем все они изложены прекраснейшим французским языком. Лишь много лет после смерти Бакунина, в 90-х годах, это литературное наследство его было собрано и издано на французском языке в шести томах его другом и биографом, швейцарско-французским анархистом Гильомом. А письма его русским друзьям — Герцену и Огареву, также представляющие большую литературную ценность и большое значение для характеристики общественных взглядов Бакунина, были изданы впервые за границей известным эмигрантом, демократом и федералистом Драгомановым.

Каковы же те взгляды, те идеи, которые исповедовал и проповедовал Бакунин? Создал ли он стройную социальную систему, выработал ли общественное миросозерцание, которое могло бы в какой-нибудь степени быть противопоставлено учению Маркса?

На этот вопрос приходится дать отрицательный ответ. При всем обилии написанного Бакуниным, все его идейное наследство сводится, в сущности, к весьма небольшому числу мыслей, которые он повторяет на все лады с утомительным однообразием, но всегда со страстной убежденностью. Все эти мысли притом носят скорее лишь отрицательный характер. Хотя, по словам Бакунина, «страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть», но, подобно большинству анархистов, родоначальником и учителем которых он

являлся, Бакунин знал хорошо, чего он *не* хочет, что он отрицает и разрушает, но не всегда сам отдавал себе отчет в том, чего он хочет, каков тот общественный идеал, который он противопоставлял Марксу. Ибо проповедь абсолютной свободы личности не может служить достаточной общественной программой, а идея непрерывной революции не заменяет политической тактики.

Впрочем, в целом ряде идей и вопросов Бакунин целиком при-мыкал к Марксу и лишь проводил и популяризировал его взгляды, в чем сам нередко охотно признавался.

В области философии, в противоположность взглядам своей молодости, Бакунин стал решительным *атеистом и материалистом* и много усилий употребил на борьбу с религией и идеалистическими предрассудками. Мало того, Бакунин был атеист *воинствующий*. Он вел борьбу с Богом, как с личным врагом, и, как мы видели, ставил атеизм во главу программы основанного им общества «интернациональных братьев»*.

Далее Бакунин целиком усвоил и проводил в своих сочинениях марксовский *исторический материализм*, или материалистическое понимание истории, правда, в несколько упрощенном понимании. «В основании самых абстрактных, высоких и идеальных теологических (*богословских*) споров и религиозных войн, — говорит Бакунин, — всегда был какой-нибудь крупный материальный интерес. Все расовые, национальные, государственные и классовые войны никогда не имели другой цели, кроме владычества, являющегося необходимой гарантией и условием обладания имуществом и пользования им. Человеческая история, рассматриваемая с этой точки зрения, является не чем иным, как продолжением великой жизненной борьбы, составляющей, согласно Дарвину, основной закон органической природы». В другом месте, излагая материалистическую теорию Маркса, Бакунин вполне к ней присоединяется и заключает: «Да, вся умственная, нравственная, политическая и социальная история человечества есть лишь отражение ее *экономической* истории».

Полностью принимал Бакунин также и экономическое учение Маркса. Его восторженный отзыв о главном труде Маркса, знаменитом «Капитале», стоит того, чтобы привести из него более или менее значительные выдержки. По его мнению, нет ни одного другого сочинения, которое давало бы «такой глубокий, такой ясный, такой научный, решительный и столь безжалостно разоблачающий

* В противоположность Богу, которого он ненавидел, Бакунин охотно восхвалял Сатану (конечно, как литературный образ), которого называл «вечным бунтовщиком и первым свободным мыслителем и освободителем миров».

разбор образования буржуазного капитала и той систематической и жестокой эксплуатации, которую этот капитал постоянно применяет к труду пролетариата... Это произведение есть не что иное, как смертный приговор, научно обоснованный и окончательно произнесенный не над отдельными капиталистами, но над буржуазией, как классом».

Через Бакунина экономическая теория и материалистический метод объяснения исторических явлений был воспринят и русскими революционерами 70-х годов, бунтарями-народниками, которые «Капитал» Маркса, появившийся в русском переводе в 1872 г., ставили на одну доску с «Государственностью и анархией» Бакунина. Бакунин же был первым, кто перевел на русский язык «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса и сделался, таким образом, проводником их идей в России. Этим отчасти объясняется та легкость, с какой столь верные тогда последователи Бакунина, как Плеханов, Аксельрод, Дейч, Засулич¹ и другие, сделались впоследствии марксистами и основателями русского марксизма, русской социал-демократии.

* * *

Что резко отличало Бакунина от Маркса, это — его отношение к государству, государственной власти и политической деятельности рабочего класса. Правда, и в глазах Маркса современное государство есть лишь организация классового господства, есть орудие в руках привилегированного меньшинства для подавления и угнетения трудящихся масс. И по Марксу, с исчезновением классов исчезнет и государство. Но для марксистов не безразличны разные формы государственного строя: для них конституционное государство вообще, а особенно демократическая республика, есть та форма, которая предоставляет пролетариату больше свободы и организационных возможностей для борьбы за его окончательное освобождение. Наконец, первым решающим этапом на пути к этому освобождению марксисты считали и считают завоевание рабочим классом политической власти, «диктатуру пролетариата».

Для Бакунина, наоборот, всякое государство есть абсолютное зло. Если он и является республиканцем, то для него слово «республика не имеет другой цены, кроме цены *чисто отрицательной*: оно означает разрушение, уничтожение монархии». Государство демократическое может оказаться даже хуже монархии: «именно потому, что оно будет облечено в широкие демократические формы, оно сильнее и гораздо вернее будет гарантировать хищному и богатому меньшинству спокойную и широкую эксплуатацию труда».

Критикуя политическую программу германских социал-демократов, требовавших «народного государства», Бакунин писал: «Государство, называйся оно хоть десять раз народным и будь оно разукрашено найдмократичнейшими формами, для пролетариата будет непременно тюрьмой. Нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы».

Ибо главная основа демократического государства, всеобщее избирательное право, по мнению Бакунина, — *обман*, как и всякие другие политические права. Оставаясь невежественными и экономически порабощенными, народные массы не могут использовать всеобщее избирательное право в своих интересах. Опыт истории, говорит Бакунин, подтверждает, что и при всеобщем избирательном праве массы сплошь и рядом выбирали своих классовых врагов. А если бы и было возможно, чтобы наученные горьким опытом рабочие перестали выбирать буржуа в законодательные и учредительные собрания, а стали посылать туда простых рабочих, то и тогда «работники-депутаты, перенесенные в буржуазные условия существования, в буржуазную атмосферу политических идей, перестанут быть настоящими работниками, сделаются государственными людьми, в конце концов, превратятся в буржуа и *превзойдут в этом отношении даже настоящих буржуа*».

Поэтому Бакунин является самым решительным противником участия рабочих в парламентских выборах и участия в каких бы то ни было представительных учреждениях. Но он идет еще дальше. Отрицая всякую государственную власть, — ибо где есть государство, говорит он, там есть господство одних и рабство, угнетение, эксплуатация других, — Бакунин столь же решительно отрицает и чисто рабочую власть, диктатуру пролетариата. «Если бы завтра учредили правительство и законодательный совет, парламент *исключительно из одних лишь рабочих*, то эти рабочие, сегодня твердые демократы и социалисты, послезавтра стали бы определенными аристократами, смелыми или робкими поклонниками принципа власти, угнетателями и эксплуататорами». Такие рабочие, правители или представители народа, «перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом».

Поэтому Бакунин рекомендует не завоевывать государственную власть, а *уничтожить* ее и в корне разрушить всякое государство, «всякую политическую организацию», которая всегда «ведет роковым образом к отрицанию свободы». Не представляет для Бакунина исключения и «*революционное государство*»: «революционное государство, это — реакция, скрывающаяся за революционной

внешностью». Поэтому Бакунин также враг «революции при помощи декретов», враг вообще какого бы то ни было управления сверху. Полное уничтожение государственного строя и свободный союз свободных общин вот, как мы уже знаем, общественный идеал Бакунина.

Чтобы уяснить себе классовое происхождение и знание этого идеала, составляющего основу анархизма, посмотрим, от каких классов преимущественно ждал Бакунин осуществления своего идеала. В то время, как марксисты являются партией рабочего класса, пролетариата, и на него возлагают все свои надежды в деле осуществления социализма, мы видели, что Бакунин не хотел господства этого класса, не доверял ему. Главные его надежды были обращены к крестьянству. По мнению Бакунина, наблюдавшееся до тех пор в истории враждебное отношение крестьян и рабочих есть «великое недоразумение». Крестьяне в сущности глубоко революционны. Бакунин противопоставляет даже «буржуазному и доктринерскому социализму городов *примитивный, дикий социализм деревни*».

Во время франко-прусской войны, предлагая поднять во Франции социальную революцию, он рассчитывал именно на крестьян: «Единственно, что может спасти Францию... это — стихийное, могучее, страстно-энергическое, анархическое, разрушительное и дикое восстание народных масс на всей территории Франции». Для того, чтобы крестьянин поднялся, надо только *уметь подойти к нему*. Надо прежде всего прекратить «терроризм городом против деревень», который всегда практиковался до сих пор и который «убивает революцию». Необходимо отказаться от насильственного навязывания крестьянам городской цивилизации, даже от насильственного навязывания социализма. «Ибо революция перестает быть таковой, когда она действует деспотически, когда она вместо того, чтобы возбудить массы к свободе, вызывает в них реакцию».

Рабочие, идя в деревню с проповедью социальной революции, должны спокойно и терпеливо рассеивать предрассудки и озлобление против города, веками накопившиеся в крестьянской душе. При этом необходимо приспособляться к психологии крестьянина и его исконной нелюбви к государственному принуждению. «Крестьяне, — говорит Бакунин, — любят землю, пусть заберут всю землю и выгонят оттуда всех собственников, обрабатывающих ее чужим трудом. У них нет никакой охоты платить ипотеки и налоги. Пусть не платят их. Пусть те из них, которые не хотят платить своих частных долгов, не принуждаются к их платежу. Наконец, они терпеть не могут рекрутчины, пусть их не заставляют идти в солдаты».

При таких условиях, по мнению Бакунина, «*ничего не стоит поднять любую деревню*». «Крестьянин ненавидит все правительства. Он их терпит из благоразумия», платя налоги и давая своих сыновей в солдаты, так как не видит способа избавиться от этого.

Итак, уничтожение государства и всего государственного аппарата, «уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов, организация *разнузданной чернорабочей черни*, всего освобожденного человечества, создание нового общественно мира», — вот тот идеал, который, по мнению Бакунина, явится в результате всеобщего крестьянского восстания и который на самом деле отвечает смутному, инстинктивному протесту крестьянина, особенно в отсталых странах, как Россия и Италия, против закрепостившего его бюрократического государства и эксплуатирующего его капитала.

Свою веру в революционность крестьянства Бакунин соединял со своей антигосударственностью и резко выдвигал их против взглядов германских социалистов. По его мнению, «для коммунистов или социал-демократов Германии, крестьянство, всякое крестьянство есть реакция; а государство, всякое государство, даже бисмарковское — революция». Нечего добавлять, конечно, что в такой категорической форме это утверждение является грубым искажением марксизма.

Другим классом или слоем общества, на который Бакунин возлагал свои революционные надежды, были «*босяки*», «*люмпен-пролетариат*», вообще деклассированные, выбитые из колеи, из своего класса элементы, в частности деклассированная демократическая интеллигенция, от которой Бакунин ждал больших революционных дел.

Это — люди, которые ничем не связаны с современным обществом, которые не занимаются постоянным производительным трудом, которые промышляют случайной работой, милостыней и даже воровством и грабежами. Для них общество, в котором они играют роль париев, роль отверженных, вся многовековая культура человечества (как отчасти и для крестьян отсталых стран) — лишь предмет ненависти, лишь объект разрушения, и идеалы социальной справедливости они понимают как непосредственную «экспроприацию», или «дележку». Именно их и считал Бакунин настоящими революционерами, тогда как к рабочим, занятым в промышленности, относился с некоторым недоверием, как к людям, уже зараженным «буржуазностью».

«Может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии, — писал Бакунин. — В Италии не существует, как во мно-

гих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже *отчасти привилегированного*, благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением». В Италии «преобладает тот *нищенский пролетариат*, о котором г.г. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что *в нем и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы заключается и весь ум и вся сила будущей социальной революции*».

Что касается России, то Бакунин видел все недостатки, все темные стороны русской *общины*, на которую Герцен, а впоследствии и наши народники смотрели как на зародыш социализма. Бакунин (в письмах к Герцену) резко нападал на то порабощение и принижение человеческой личности, которому подвергала своих членов община, или деревенский «мир». Зато он находил в России революционные элементы вне официального крестьянства, в лице раскольников, сектантов и т. д. и, наконец, в лице *уголовных преступников*. Единственное лицо, которое «смеет идти против мира, это — *разбойник*. Вот почему разбой составляет важное историческое явление в России; Пугачев и Стенька Разин были разбойниками».

Ожидая крестьянского восстания в России, Бакунин находит для него предводителя и руководителя в лице «образованной молодежи», этого «*коллективного Стеньки Разина*», этих «беспардонных юношей, не находящих себе ни места, ни возможности занятий в России».

Такую же молодежь, которая, «очертя голову, бросается в революционный социализм», находит Бакунин и в Италии: «пылкая, энергическая молодежь, совершенно выбитая из колеи, без видов на карьеру, без выхода, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не истощена в нравственном и умственном отношении, подобно буржуазной молодежи других стран».

Таким образом, босячко-крестьянская стихия, и притом преимущественно в отсталых и бедных странах, вот для Бакунина основа будущей социальной революции. Мелкое крестьянское хозяйство — это та форма производства, которая переживала до сих пор все революции и все режимы, и об организации которой заботиться не приходится. А для деклассированных элементов рабочего класса и интеллигенции производство вообще — чужое дело. Их интересуют только вопросы распределения. Поэтому марксистов, опирающихся

на сознательных промышленных рабочих, которые смотрят на капитал, на средства производства как на будущее общественное достояние, больше всего интересовали и интересуют *вопросы производства*; самый социализм в понимании марксистов, с экономической точки зрения, это — *общественная организация производства*; наоборот, для Бакунина, как и для многих последующих анархистов, этих вопросов не существовало вовсе. Единственная конкретная экономическая мера, которой требовал он от государства раньше его разрушения, это была *отмена права наследования*, т. е. опять-таки мера не в области производства, а в области распределения богатств; это был пункт программы, принятия которого он настойчиво добивался в Интернационале, и на который смотрел как на средство постепенно и безболезненно уничтожить частную собственность и ввести социализм в его «вольном союзе общин».

В одном месте своих сочинений Бакунин, правда, высказывается в пользу экономической централизации, т. е. в пользу крупного производства. Но это лишь одно из многочисленных противоречий в учении Бакунина. Ибо как совместить крупное производство, обслуживающее обширный район, занимающее массы рабочих и нуждающееся в доставке сырья, с полным уничтожением всякой централизации управления, всякого руководства из центра, это — секрет Бакунина и его последователей. Бакунин же представлял себе переход к социализму, кроме отмены права наследства, еще в форме *«сожжения всех бумаг, для того, чтобы уничтожить семью и собственность с юридической стороны»*. Такое «уничтожение собственности» должно происходить во время непрерывных крестьянских бунтов, которые, при помощи «пропаганды со стороны городов», в конце концов, приведут, «не прибегая к декретам и законам», к такому развитию и совершенствованию жизни, «о каком мы теперь только можем мечтать».

Нельзя сказать, чтоб эта программа отличалась ясностью, определенностью и последовательностью. Мы уже видели другие примеры такой же неустойчивости и непоследовательности со стороны Бакунина, который еще в 1867 г. предлагал союз с буржуазными демократами, который, при всей своей ненависти к «революции посредством декретов» и ко всякой революционной власти, сам осуществлял эту власть и издавал декреты в Лионе в 1870 г. и предлагал даже созвать «революционный конвент». Но едва ли не самое крупное внутреннее противоречие в мировоззрении Бакунина составляют взгляды на национальный вопрос.

В самом деле, Бакунин искренне считал себя интернационалистом. Он проповедовал разрушение всех государств и братский союз на-

родов. Но между народами у него были народы-любимцы и были народы-враги, для которых он находил лишь самые мрачные краски. Так, он прежде всего питал пристрастие к *славянам*, и хотя не был панславистом в официальном смысле этого слова, каким его считали враги, т. е. сторонником объединения славян под властью России, хотя он звал славян к полному разрушению и уничтожению царской империи, но все же важнейшей задачей своей жизни он считал объединение славянства *без различия классов и его борьбу с германской нацией*. Далее, возлагая большие революционные надежды на французов и особенно на итальянцев, он Германию ненавидел острой ненавистью и видел в ней лишь одни отрицательные стороны, как бы мстя ей за свои юношеские увлечения германской философией и вообще германским «национальным духом».

Для Бакунина весь германский народ — прирожденные лакеи и рабы. Ни в одной стране нет такого бюрократизма, такого милитаризма, такого культа столь ненавистной Бакунину государственности. Эту «государственность» немцев Бакунин особенно противопоставляет анархическим, антигосударственным стремлениям славян. «Вовсе не Россия, — говорит Бакунин, — а Германия, начиная с XVI в. и вплоть до наших дней, была постоянным источником и школою государственного деспотизма в Европе. Из того, что в других европейских государствах было простым фактом, Германия сделала систему, доктрину, религию, культ».

Для Бакунина даже русские офицеры выше немецких. В начале франко-прусской войны Бакунин предпочитал победу Наполеона, ибо при всем его деспотизме в нем чувствуется все же «дух» Франции, который бесконечно выше казарменной Германии. И всю эту ненависть к Германии Бакунин сеял в побежденной Франции, и без того отравленной узким национализмом.

Как справедливо указывает Ю. Стеклов, именно франко-прусская война вызвала особенную литературную плодовитость Бакунина, который до того писал сравнительно очень мало. Зато все написанное им после 1870 г. так или иначе связано с Германией, дышит ненавистью ко всему немецкому. Бакунин старается вызвать эту ненависть и в своих читателях. Правда, он иногда оговаривается, что делает исключение для немецких пролетариев и даже хвалит мужественное поведение Вильгельма Либкнехта и Бебеля во время войны. Но в других местах он и немецких рабочих считает отравленным ядом германского национального духа, а немецких социалистов прямо ненавидит. Самого Маркса он считал германским патриотом, «пангерманистом», делающим по существу, лишь с другой стороны, ту же работу, что и Бисмарк. Он ставил в вину Марксу его вражду к России.

Справедливость требует признать, что и германские социалисты платили Бакунину той же монетой. Именно они преследовали его всю жизнь, именно они считали его деятельность реакционной.

Но еще более пристрастно и односторонне, чем к немцам, относился Бакунин к евреям. Его многочисленные выходки против евреев носят характер самого грубого и вульгарного антисемитизма, такого, какой впоследствии можно было встречать лишь в открыто реакционной, черносотенной русской печати. Он считал всех евреев эксплуататорами и паразитами и видел в них лишь одни недостатки. Все евреи, к каким бы партиям они ни принадлежали, связаны между собой общностью интересов и только этим интересам и служат. Все, что Бакунину не нравилось в Марксе и Лассале, он объяснял, кроме их германского патриотизма, еще их еврейским происхождением (не видя в этом противоречия). Маркс, по его словам, был окружен целой «сварой жидков» (к их числу Бакунин в своем слепом озлоблении причислял даже чистокровного немца Либкнехта, в этом тоже уподобляясь нашим реакционерам, которые охотно причисляли всех своих противников к евреям), и эти «жидки» были способны на всякую низость. «Этот еврейский мир, — говорит Бакунин, — ныне большею частью служит, с одной стороны, Марксу, а с другой — Ротшильду². Я убежден, что, с одной стороны, Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой — Маркс чувствует инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильдам». В этом чудовищном утверждении Бакунин даже перецеголял всех позднейших русских антисемитов. Неудивительно, что при такой чисто средневековой дикости взглядов Бакунина социалисты школы Маркса всегда смотрели на него, как на русского варвара, затесавшегося в среду европейских социалистов.

Этот антисемитизм Бакунина объясняется целиком его дворянским и офицерским воспитанием и юношескими впечатлениями в местечках Западного края, где русское чиновничество и офицерство встречалось с худшими представителями еврейства, еврейскими «факторами», специализировавшимися на угодничестве перед властями. Этот антисемитизм, хотя, может быть, и не в такой сильной степени, как у Бакунина, характерен для всего *дворянского* периода русской литературы. Полной противоположностью этому дворянскому, аристократическому отношению к евреям является беспристрастное и гуманное отношение другого великого русского мыслителя и революционера той эпохи — Чернышевского, представителя новой, «разночинной», т. е. плебейской, антидворянской литературы*.

* См. статью «Русская литература и евреи» в сборнике моих статей «На идеологическом фронте» (Гос. изд. 1923).

Главная сила Бакунина и историческое значение его личности заключается не в его анархической программе, туманной и расплывчатой, а в той *страсти к разрушению*, которую он сделал своим лозунгом еще в 1842 г., неустанной проповеди всеразрушительной социальной революции, непрерывного *бунта* против всякой власти, против всех и всяческих авторитетов.

«Мы понимаем революцию в смысле разнуздания того, что теперь называют дурными страстями», — писал Бакунин одному из своих друзей. Эта разнузданная стихия никого и ничего из старого мира не должна упасть, — из недобитых остатков старого может вновь возродиться разрушенный революцией строй.

Поэтому Бакунин отрицает самым резким образом путь мировой политической деятельности, путь борьбы за реформы. Поэтому он единственно правильным считает «другой путь — боевой, бунтовской. В него мы верим и только от него мы ждем спасения».

Он отрицает также *какую бы то ни было программу-минимум*, какой бы то ни было даже временный компромисс; он отвергает борьбу за политическую свободу, отвергает даже политическую революцию, как предварительное условие и средство для революции социальной. В его глазах только полная и окончательная социальная революция имеет цену. «Всякая политическая революция, — пишет Бакунин, — которая совершается раньше и, следовательно, вне революции социальной, будет по необходимости революцией буржуазной, а буржуазная революция может вызвать лишь буржуазный социализм».

«Буржуазными социалистами» считает Бакунин Маркса и марксистов, которых он обвиняет не только в мнимой «государственности», не понимая, что для Маркса уничтожение государства должно быть завершением, результатом социальной революции, а не ее началом; он обвиняет их и в «умеренности», в готовности сотрудничать с буржуазной демократией, в боязни настоящей революции, в отсутствии революционного чувства. Он так уверен в этом, что страстный, пламенный манифест Маркса в защиту французской коммуны 71 г. и коммунаров объявляет лицемерием.

После своего исключения из Интернационала Бакунин писал об отношении марксистов к парижской коммуне: «Вопреки самой простой логике и своим действительным чувствам, они заявили, что программа и цель этого восстания были их программой и целью. Это был маскарад *шутовской, но вынужденный*». Бакунин был вместе с тем убежден, что, получив власть, Маркс действовал бы так же, как все буржуазные и даже царистские усмирители восстаний. «На этой почве все они подают друг другу руки, Муравьев и Гайнау³, Бисмарк и Тьер⁴, Гамбетта и *даже сам* г. Маркс, если его когда-либо призовут управлять государством».

Бунт и восстание Бакунин считал полезными при всяких условиях, даже если они обречены на явную неудачу. «Пусть нас разобьют раз, десять раз, двадцать раз, но если в двадцать первый раз народ нас поддержит, то жертвы окупятся». Маленькие, хотя бы и неудачные бунты должны были, по мнению Бакунина, служить «пропагандой действиями», которую потом особенно охотно проповедовали и применяли анархисты. Но к индивидуальному террору, к убийству отдельных лиц Бакунин относился отрицательно.

Отвергая так решительно политическую борьбу и прилагая лишь непосредственную социальную революцию, Бакунин в *области экономической* допускал борьбу хотя бы за самые маленькие уступки, так как экономическая борьба, думал он, не сближает рабочих с буржуазными политиками и не усыпляет революционного сознания и чувства рабочих, а толкает их все дальше и дальше к решительной схватке со всем буржуазным обществом. Эти взгляды Бакунина впоследствии заимствовали так называемые революционные синдикалисты или анархо-синдикалисты.

* * *

Анархическая программа и бунтарская тактика Бакунина были отражением стремлений тех отсталых — крестьянских, рабочих или босяцких — масс, на которые он собирался опереться в своей революционной борьбе. Эти слои общества, придавленные всем полицейски-бюрократическим и капиталистическим аппаратом, не научившиеся еще использовать буржуазную культуру и буржуазное государство в своих целях, видят в них своих злейших врагов и жаждут лишь их разрушения. Недаром крупные рабочие движения в раннюю эпоху их развития (в Европе в начале XIX в. и в России в 70-х и 80-х гг.) принимали нередко форму разрушения машин, разгрома фабричных помещений, а иногда и погромов на национальной почве. Эти чувства темной, слепой народной стихии, полной злобы и ненависти против угнетающего ее строя, но не имеющей еще ясно выработанной программы действий, организационных навыков и умудренной опытом тактики, — и отражала бунтарская натура Бакунина, который сам был деклассированным русским дворянином, — отражала вплоть до антисемитизма, этого, по выражению Бебеля, «социализма дураков».

Поэтому в борьбе между Бакуниным и Марксом, говоря словами Ю. Стеклова*, «столкнулись между собою две идеологии, соответствовавшие двум этапам одного и того же всемирного движения,

* «Интернационал», ч. I, стр. 114–116.

из которых одна выражала инстинктивный и бурный в своей инстинктивности порыв пролетарской массы, только пробуждающейся к самостоятельной деятельности, а вторая — сознательное стремление окрепшего и обогащенного опытом пролетариата к своему верному освобождению, путем планомерного действия, организации и использования всех социальных и политических возможностей реальной действительности». Учение Бакунина зародилось, и деятельность его протекала в *революционную* эпоху европейской истории, в эпоху войн и революции, когда смутно дремлющие в мирное время чаяния самых глубоких и обездоленных народных слоев начинают проявляться наружу, и нетерпеливым умам кажется, что наступает момент полного их освобождения. «Если когда-либо, — продолжает Стеклов, — и могла возникнуть надежда на непосредственный переход от феодально-полицейской реакции к трудовому режиму, к полному социально-политическому освобождению трудящихся масс, так это именно в момент перелома». — И далее: *«Колоссальная историческая фигура Бакунина и была стихийным выражением этого критического перехода от добуржуазного режима к буржуазному* (курсив Стеклова), той социальной, политической и идейной неустойчивости, которая вызывалась этим кризисом, поражением старого господствующего класса и слабостью (как оказалось, только видимой) нового командующего класса, теми смутными, но грандиозными надеждами, которые порождались хаотическим брожением этого переходного периода, стоявшего на рубеже двух исторических эпох».

Этим объясняется как самое возникновение бакунинских идей, так и их сравнительный успех в конце 60-х и начале 70-х гг. в более отсталых странах Европы. Бакунину казалось, — и он писал это в начале франко-прусской войны, — что, будучи незначительной группой, его сторонники могут в благоприятном случае, т. е. в случае восстания, иметь «колоссальное» значение «по количеству своих *инстинктивных* приверженцев, по тем народным массам, потребности коих эта группа представляет лучше, чем какая бы то ни было другая партия».

Что было бы при данных условиях, если бы идеи Бакунина увлекли за собой рабочие массы, вытеснив марксизм? Ответим на это словами Стеклова*: «Если бы победа выпала на долю Бакунина и его крестьянско-босаяцкой идеологии, рабочее движение сразу ли-

* «Просвещение». 1914 г. № 6, статья «Маркс и Бакунин», или та же статья в сборнике «Борцы за социализм» (Гос. изд. 1923 г.).

шилось бы всех достигнутых с таким трудом завоеваний и было бы отброшено далеко назад».

Бакунину не пришлось видеть торжества его идей. Наоборот, как мы видели, уже в октябре 1870 г., после неудачи его Лионской попытки, он испытывал глубокое разочарование. Но его бурная, революционная натура не могла долго жить без революционного дела, и от ожидания близкой социальной революции он постепенно перешел к необходимости «пропаганды действием», необходимости исполнения лишь революционного долга.

Предсказанный им период 50-летней реакции продолжался всего 35 лет, до русской революции 1905 г. Если это и не был период действительной реакции, то это был во всяком случае период мирного, медленного развития рабочего движения, период его парламентских успехов, т. е., с точки зрения Бакунина, еще, пожалуй, хуже подлинной реакции, так как, по его мнению, парламентская борьба лишь развращает рабочий класс.

Но с 1905 г. начинается новая революционная эпоха во всемирном масштабе, захватившая сперва Россию и Азию (революции в Персии, Турции и Китае), вызвавшая мировую войну и ту мировую революцию, начало которой снова положила Россия. На поверхность исторической жизни — впервые в мировой истории — поднялись самые глубокие, самые низинные слои народных масс, озлобленные вдобавок до последней степени чудовищной бойней, этим варварским преступлением всего капиталистического общества. В такой великий, трагический момент революционные идеи Бакунина не могли не встретить отклика в взбудораженной революционной стихии...

